

УДК 930.272(091)
ББК 63.2г

М.А. Шибаев

Графика «московского полуустава»: историографические заметки*

Реферат. Поднимается проблема теоретического осмысления «московского полуустава» в отечественной историографии. Этот термин стал использоваться специалистами по древнерусским рукописям sporadически еще в первой половине XX в., в частности В.Н. Щепкиным, и окончательно закрепился благодаря одному из самых популярных и авторитетных учебников по палеографии, выпущенных под редакцией М.Н. Тихомирова. Проанализированы работы Л.М. Костюхиной, А.А. Турилова, М.Г. Гальченко, в которых затрагиваются теоретические проблемы эволюции полуустава в древнерусских рукописях. В результате историографического разбора сделан вывод, что к настоящему моменту так и не сложилось в отечественной палеографической науке четких дефиниций такому явлению, как «московский полуулав». В последнее время исследователи, специально занимающиеся графико-орфографическими особенностями русского средневекового письма, а также авторы ряда учебников и пособий по палеографии стараются вообще не употреблять этот термин. Полагаем, что наиболее перспективным в прояснении вопроса о том, что такое «московский полуулав», является подход, в котором будет реализовано соотнесение графики древнерусских рукописей со старопечатными шрифтами середины XVI века.

Ключевые слова: полуулав, московский полуулав, русская палеография, второе южнославянское влияние, старопечатные шрифты.

Для цитирования: Шибаев М.А. Графика «московского полуустава»: историографические заметки // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 3. С. 287—292.

DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-3-287-292

Развитие древнерусской книжности, история библиотек неразрывно связаны с темой исследования письма и его эволюции. За двести с лишним лет развития славяно-русской палеографии вышло немало работ, так или иначе трактующих проблемы трансформации и изменений шрифтовых моделей, применяемых книжниками на письме. Не претендуя на глобальные обобщения, отметим, что по-прежнему существуют многочисленные вопросы, связанные с интерпретацией некоторых палеографических терминов, описывающих те или иные изменения в славяно-русской кириллической графике, которые достаточно прочно вошли в отечественную историографию. Одним из таких терминов является «московский полуулав».

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 16-01-00210 «Генезис «московского» полуустава. Развитие русского полууставного письма в XV — первой половине XVI века» (руководитель М.А. Шибаев).

Михаил Алексеевич Шибаев,
Российская национальная библиотека,
отдел рукописей,
сектор информационно-библиографического обслуживания,
заведующий
Садовая ул., д. 18,
Санкт-Петербург, 191069,
Россия

Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент
Университетская наб.,
д. 7—9,
Санкт-Петербург, 199034,
Россия

кандидат исторических наук
E-mail:
mikhailshibaev@mail.ru

В работах отечественных палеографов XIX в. термин «полуулав» употребляется многократно, однако разделение на этапы развития этого типа письма в большинстве случаев еще не представлено. Исследователи обычно описывали полуулав как тип письма, пришедший на смену уставу. При этом четких определений полуустава, характеристик его графики мы практически еще не имеем. В этой связи, естественно, отсутствуют и какие-либо определения или даже упоминания «московского полуустава». Так, у И.П. Сахарова есть замечание о том, что полуулавное письмо появилось в первой половине XIV века [1, с. 15]. Н.С. Тихонравов полагал, что полуулав появляется в XIV в. и проявляется в грамотах и договорах, т. е. документах деловой письменности [2, с. 103—104]. У другого видного палеографа И.И. Срезневского одна из частей Лаврентьевской летописи переписана «полуулавом, который так сравнительно редок до XV века» [3, с. 249].

Значительным толчком к развитию славяно-русской палеографии на рубеже XIX и XX вв. стали труды А.И. Соболевского. Именно А.И. Соболевский вводит в научный оборот понятие «второго южнославянского влияния». Он полагал, что полуулав развился из устава во второй половине XIV в., но значительного распространения не получил, поскольку был вытеснен полуулавом южнославянского типа и происхождения. Исследователь сделал весьма важные замечания о двухэтапном развитии полуустава в русских рукописях. По мнению А.И. Соболевского, с одной стороны, «русский полуулав нередок в рукописях первой половины XV в. и — в виде уже особенного исключения — встречается в рукописях второй половины этого столетия» [4, с. 53], а с другой — «полуулав южнославянского типа, принесенный в Россию вместе с болгарскими книгами, вытеснил существовавшие до него устав и связанный с последним русский полуулав» [4, с. 54]. Также А.И. Соболевским была допущена важная оговорка, которая несомненно принципиальна для определения истории формирования полуулавной графики: «Само собою разумеется, рукописи второй половины XIV в. и первой XV в. (очень редко второй XV) представляют большее или меньшее смешение то устава XIV в., то русского полуустава с полуулавом южнославянского типа. В одних из них преобладают русские формы букв, в других южнославянские, смотря по привычкам и вкусам писцов» [4, с. 54].

В работах отечественных палеографов XX в. схема А.И. Соболевского о двухэтапном формировании полуустава была в целом принята. Е.Ф. Карский пишет уже как об установленном факте о старшем полуулаве исключительно русского происхождения и младшем полуулаве, который развился из подражания наших писцов югославянским полуулавным рукописям XIV—

XV вв., не отличающимся почти ничем, кроме языка, от русских соответствующего времени [5, с. 172]. У В.Н. Щепкина схема развития полуулавного письма также учитывает южнославянское влияние, но картина дается достаточно сложная и многоэтапная. Палеограф полагал, что «в последней четверти XIV в. появляется очень простой почерк, в котором исследователи справедливо видят не устав, а полуулав. <...> Этот древнейший, чисто русский полуулав вытекает непосредственно из русского устава XIV в. подобно ему является прямым почерком, т. е. имеет буквы вертикальные» [6, с. 119]. Исследователем отмечается также, что русский полуулав вытесняется почерками балканского характера, т. е. южнославянским полуулавом, влияние которого прослеживается до середины XVI века. Именно В.Н. Щепкин делает первый шаг к формулированию термина «московский полуулав», отмечая, что с XVI в. в Московском государстве начинает господствовать полуулавной почерк, имевший наклон к концу строки, в отличие от старого русского полуустава — совершенно прямого [6, с. 129]. К сожалению, упоминание только мелком московского полуустава, применительно к XVI в. [6, с. 133] лишено у палеографа каких-либо развернутых дефиниций, но тем не менее оно, вероятно, стало началом определенной традиции в отечественной историографии. М.Д. Приселков в «Курсе русской палеографии» следует в общем за своими предшественниками, однако привносит и определенные новации. Появляется термин «северо-восточный полуулав» как синоним московского. Исследователь писал: «В основе северо-восточного (московского) мы, прежде всего, видим усвоение русским письмом главным образом болгарского полуулавного письма» [7, с. 20]. Четкие хронологические рамки «московского полуустава» у М.Д. Приселкова отсутствуют, но налицо стремление автора подчеркнуть национальные черты в названии палеографического явления, даже при признании иностранного (южнославянского) влияния.

Послевоенные работы отечественных специалистов по славяно-русской палеографии также не дают четкого и последовательного описания такого явления, как «московский полуулав». В курсе русской палеографии Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина можно найти высказывание о том, что «полуулав, слагавшийся под графическим влиянием южных славян, эволюционирует в двух направлениях: 1) в сторону скорописи и 2) в сторону развития собственно полуулавной графики (книжное письмо). Говоря о последней линии эволюции, следует отметить, что с половины XVI в. полуулав достиг большой простоты почерка, как бы восстанавливая традиции русского полуустава, близкого в строении своей графики к современному ему уставу XIV в.» [8, с. 142]. При этом термин «московский полуулав»

авторами работы не используется. В более поздней работе Л.В. Черепнина, понятие «московский полуулав» также отсутствует, хотя практически полностью повторяются определения полуустава и этапы его развития (ранний полуулав и поздний южнославянский), восходящие к В.Н. Щепкину [9, с. 242]. Наконец, в одном из самых популярных отечественных учебников по русской палеографии, выпущенном под руководством М.Н. Тихомирова при участии А.В. Муравьева, мы встречаем развернутое определение «московского полуустава»: «На основе русского и южнославянского полууставов XV столетия выработался основной начерк русских документов и книг, который можно условно назвать московским полууставом. Понятие “московский полуулав” не означает, что такое письмо было распространено только в Москве или собственно России. Оно употреблялось в некоторых случаях и на Украине и Белоруссии, но оно было типично для Московской Руси» [10, с. 32]. Далее у М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева содержится следующее определение: «В московском полууставе окончательно утверждаются в несколько видоизмененном виде многие начертания древнейшего полуустава» [10, с. 32]. В учебнике также отмечается всего несколько признаков «московского полуустава», отразившихся в написании отдельных литер: «В» калачиком, «Д» с длинными опущенными вниз окончаниями, «З» большая фигурная, выдающаяся в строке среди других букв, «Т» с тремя ногами. К 1970—1980-м гг. в отечественных работах и пособиях по палеографии «московский полуулав» окончательно прижился, став одним из этапов развития письменности. У А.П. Пронштейна и В.С. Овчинниковой мы наблюдаем схему развития полуустава, принятую у В.Н. Щепкина и М.Н. Тихомирова. При этом авторы утверждают, что «к XVI веку вырабатывается тщательный по письму полуулав, каллиграфический, который лег в основу введенного в XVI столетии книгопечатания» [11, с. 23]. Однако из текста упомянутой работы непонятно, может ли этот каллиграфический полуулав считаться синонимом «московского полуустава», выработанного в XVI в. на основе русского и южнославянского полуустава, о котором авторы пишут на абзац ниже [11, с. 23], опираясь на труды своих предшественников. У Г.А. Леонтьевой, автора разделов по русской палеографии в нескольких учебных пособиях, схема развития полуустава в русских рукописях также весьма традиционна, при этом подчеркивается, что русский и южнославянский полууставные начерки легли в основу полуустава, условно получившего название московского. Выделяются наиболее характерные черты «московского полуустава» — «В» калачиком, «З» похожая на цифру «3», а также традиционное написание «З», но резко выделяющееся своим размером в строке [12, с. 41].

Термин «московский полуулав» мы встречаем у специалистов по старопечатной книге. Е.Л. Немировский писал: «Графика шрифтов безвыходных изданий отражает характернейшие особенности московского полуустава конца XV — первой половины XVI в. Совершенно аналогичные начертания литер встречаются и в первоначальном Апостоле Ивана Федорова и Петра Мстиславца» [13, с. 257]. В другом месте этой же работы исследователь отметил: «Графика шрифта первопечатного Апостола очень близка к графике шрифта безвыходных среднешрифтовых и широкошрифтовых изданий. Она, бесспорно, восходит к тому же источнику — московскому полууставу XV—XVI вв.» [13, с. 288].

В трудах палеографов последних десятилетий уточнение термина «московский полуулав» не получило дальнейшего развития. Во многих современных палеографических пособиях это определение не приводится [14; 15]. Почти не используют этот термин и специалисты, обобщающие в целом традиции и новации, происходившие в XV—XVI вв. в восточно- и югославянской графике. В работах Л.М. Костюхиной в общем принимается традиционная схема двух типов полуустава, но при этом сосуществующих параллельно. Она отмечала, что русский полуулав южнославянского периода получил широкое распространение в книгах со второй четверти XV в., в то время как русский полуулав распространен в первой—третьей четверти XV века [16, с. 13]. При этом в особую группу Л.М. Костюхина выделяла грецизированный полуулав, на который как на особое явление было обращено внимание еще в начале XX века [17]. Этот тип полуустава, по мнению исследовательницы, преобладает в русских рукописных книгах последней четверти XV века [16, с. 13]. Упоминается вскользь Л.М. Костюхиной и «московский полуулав», но как собирательное определение без конкретизации тех или иных графических особенностей в отношении рукописей XVII в., противопоставленное украинской разновидности полуустава [16, с. 37].

У А.А. Турилова неоднократно встречается понятие «гибридный» почерк, который соединяет в себе черты восточно- и южнославянской традиции XIV века [18, с. 522]. При этом автор, рассуждая о старшем полууставе и о младшем полууставе, южнославянском по происхождению, восходящем к каллиграфическим тырновским почеркам середины XIV в., полагает, что есть основания считать «рукописи со смешением графических элементов и орфографических норм не переходными, а гибридными, и датировать, соответственно, не ранее времени достаточно широкого распространения младшего из “родителей” (в данном случае это рубеж 1400-х—1410-х гг.) для Северо-Восточной Руси и грань 1420-х—1430-х гг. для Новгорода» [19, с. 623].

Не использует термин «московский полуустав» и М.Г. Гальченко, вслед за А.А. Туриловым применяя термин «гибридные почерка» для объяснения соединения южнославянских черт с собственно древнерусскими. Это особенно значимо, поскольку именно М.Г. Гальченко впервые сформулировала на основании не просто частных наблюдений, а четкой методологии основные признаки второго южнославянского влияния и дала хронологию этого явления. М.Г. Гальченко перечисляет в своих работах основные признаки второго южнославянского влияния, отразившиеся в графике и орфографии [20]. Исследовательница на примере весьма представительного количества рукописей доказала, что на русскую книжность имело место влияние среднеболгарской орфографии, а не сербской. М.Г. Гальченко при этом также использует термины «младший» и «старший полуустав». Например, говоря о начале XV в., она отмечает, что «почерки подавляющего большинства восточнославянских рукописей этого периода по-прежнему представляют собою устав или старший полуустав» [20, с. 334]. Исследовательница во многом ставит знак равенства между рукописями, написанными младшим полууставом, и особенностями среднеболгарского «тырновского» правописания. Как полагает М.Г. Гальченко, эти черты резко усиливаются с 1410-х годов [20, с. 339].

Подводя итог обзора понятия «московский полуустав» в отечественной историографии, надо отметить, что четких дефиниций так и не сложилось, существуют противоречивые и не очень четко сформулированные оценки этого явления. «Московский полуустав» представлен и как результат южнославянского влияния на древнерусскую книжность, и как синоним младшего полуустава, и как прямой предшественник ранних московских печатных шрифтов. При этом младший полуустав также в историографии имеет несколько толкований: 1) как результат подражания южнославянской книжной графике; 2) как гибрид старшего древнерусского и южнославянского полууставов. Не сложилось в историографии и устоявшейся хронологии этого явления. Почти отсутствуют или крайне лапидарны и разработки отдельных графических начертаний букв «московского полуустава». Вероятно поэтому исследователи, специально занимающиеся в последнее время графико-орфографическими особенностями русского средневекового письма, стараются вообще не употреблять этот термин. Тем не менее представляется, что не стоит торопиться вычеркивать «московский полуустав» из числа этапов развития графики древнерусской книжности. Требуется более четко и системно расширить круг графических признаков этого явления, определить хронологические рамки его бытования. Поиск ответа на вопрос об определении «московского полуустава», возможно, нужно искать в выявлении круга рукописей и писцов,

графика которых в середине XVI в. стала образцом для шрифтов анонимных изданий и Апостола Ивана Федорова. При этом в этот круг заведомо попадет только часть каллиграфических полууставных манер из всего древнерусского рукописного наследия XV—XVI веков.

Список источников

1. Сахаров И.П. Чтения из русской палеографии. № 1. [Санкт-Петербург, 1852]. 47 с.
2. Тихонравов Н.С. Русская палеография : лекции засл. орд. проф. Н.С. Тихонравова : курс, чит. в 1887/8 г. Москва : Изд. Н. Серебрянников, 1889. 144 с.
3. Срезневский И.И. Славяно-русская палеография : лекции, читанные в имп. Санкт-Петербургском ун-те в 1865—1880 гг. Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1885. VIII, 261 с.
4. Соболевский А.И. Славяно-русская палеография : лекции А.И. Соболевского. С 20 палеограф. табл. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Археол. ин-т, 1908. 120 с.
5. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1928. XIV, 494 с.
6. Щепкин В.Н. Русская палеография. Москва : Наука, 1967. 224 с.
7. Приселков М.Д. Курс русской палеографии. Ленинград : Сектор заоч. обуч. ЛГУ : Полигр. лабор. ЛГУ, 1938. 40 с.
8. Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. Москва : Центр. тип. им. Ворошилова, 1946. 215 с.
9. Черепнин Л.В. Русская палеография : [учеб. пособие для вузов]. Москва : Госполитиздат, 1956. 616 с.
10. Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография : [учеб. пособие для вузов]. Москва : Высш. шк., 1966. 288 с.
11. Пронштейн А.П., Овчинникова В.С. Развитие графики кирилловского письма. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1987. 111 с.
12. Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио : Палеография. Метрология. Хронология. Геральдика. Нумизматика. Ономастика. Генеалогия : кн. для учащихся и студентов. Москва : Просвещение, 1994. 284, [2] с.
13. Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. Москва : Книга, 1964. 404 с.
14. Афанасьева Т.И., Пентковская Т.В. Славянская палеография : рабочая тетрадь. Санкт-Петербург, 2012. 100 с.
15. Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие / отв. ред. и сост. М.М. Кром. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 634 с.
16. Костюхина Л.М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав. Москва, 1990. 348 с.
17. Сперанский М.Н. «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV—XVI вв. // Byzantinoslavika, 1932. Т. 4. С. 58—60.
18. Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV в. и «второе южнославянское влияние» // Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории

и культуры славян: Этюды и характеристики. Москва : Знак, 2012. С. 519—555.

19. Турилов А.А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» // Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики. Москва : Знак, 2012. С. 612—639.

20. Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. Москва ; Санкт-Петербург, 2001. С. 325—382.

Graphics of the “Moscovian Poluustav”: Historiographical Notes

Mikhail A. Shibaev,

National Library of Russia, 18 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191069, Russia

Saint Petersburg State University, 7—9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: michailshibaev@mail.ru

Abstract. There is analyzed the problem of theoretical understanding of the “Moscovian Poluustav” in the Russian historiography. This term began to be used by specialists in the area of Old Russian manuscripts sporadically yet in the first half of the 20th century, for example by V.N. Shchepkin, and was finally established through the influence of one of the most popular and authoritative textbooks on paleography by M.N. Tikhomirov. There are discussed the works of L.M. Kostyukhina, A.A. Turilov and M.G. Galchenko, which address theoretical issues of the evolution of Poluustav in the Old Russian manuscripts.

As a result of historiographical analysis, there is made conclusion on the absence of clear definition for the term “Moscovian poluustav” in the domestic palaeographic science. Recently the researchers, dedicated to the graphic-orthographic features of the Russian medieval script, as well as the authors of several textbooks and manuals on palaeography, try not to use this term at all.

In the opinion of the author, the most perspective approach to form this definition is to comparatively analyze correlation of the script graphics of the Old Russian manuscripts and the early printed book fonts of the middle of the 16th century.

Key words: Semi-Uncial, Moscovian Poluustav, Russian Palaeography, the Second South Slavic Influence, Early Printed Fonts.

Citation: Shibaev M.A. Graphics of the “Moscovian Poluustav”: Historiographical Notes, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2017, vol. 66, no. 3, pp. 287—292.

DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-3-287-292

Acknowledgements: The publication is prepared within the framework of the supported by the Russian Foundation for Basic Research the Research Project No. 16-01-00210 “Genesis of the Moscovian Poluustav. Development of the Russian semi-uncial script in the 15th — the first half of 16th century” (Project Manager M.A. Shibaev).

References

1. Sakharov I.P. *Chteniya iz russkoi paleografii* [Readings from Russian Paleography], no. 1, 47 p.
2. Tikhonravov N.S. *Russkaya paleografiya: lektzii zasl. ord. prof. N.S. Tikhonravova: kurs, chit. v 1887/8 g.* [Russian Paleography: Lectures of Professor N.S. Tikhonravov: The Course of 1887/8]. Moscow, N. Serebryannikov Publ., 1889, 144 p.
3. Sreznevsky I.I. *Slavyano-russkaya paleografiya: lektzii, chitannye v imp. Sankt-Peterburgskom un-te v 1865—1880 gg.* [Slavic-Russian Paleography: the Lectures Given at the Imperial St. Petersburg University in 1865—1880]. St. Petersburg, V.S. Balashev Publ., 1885, VIII, 261 p.
4. Sobolevsky A.I. *Slavyano-russkaya paleografiya: lektzii A.I. Sobolevskogo. S 20 paleograf. tabl.* [Slavic-Russian Paleography: the Lectures of A.I. Sobolevsky. With 20 Paleographical Tables]. St. Petersburg, Imperatorskii Arkheologicheskii Institut Publ., 1908, 120 p.
5. Karsky E.F. *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [Slavic Cyrillic Paleography]. Leningrad, Akademii Nauk SSSR Publ., 1928, XIV, 494 p.
6. Shchepkin V.N. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 224 p.
7. Priselkov M.D. *Kurs russkoi paleografii* [A Course of Russian Paleography]. Leningrad, Sektor Zaochnogo Obucheniya LGU Publ., 1938, 40 p.

8. Chaev N.S., Cherepnin L.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Tsentralnaya Tipografiya im. Voroshilova Publ., 1946, 215 p.
9. Cherepnin L.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, 616 p.
10. Tikhomirov M.N., Muravyov A.V. *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1966, 288 p.
11. Pronshstein A.P., Ovchinnikova V.S. *Razvitie grafiki kirillovskogo pis'ma* [Development of the Cyrillic Script Graphics]. Rostov-on-Don, Rostovskogo Universiteta Publ., 1987, 111 p.
12. Leontyeva G.A., Shorin P.A., Kobrin V.B. *Klyuchi k tainam Klio: Paleografiya. Metrologiya. Khronologiya. Geral'dika. Numizmatika. Onomastika. Genealogiya: kn. dlya uchashchikhsya i studentov* [The Keys to the Secrets of Clio: Paleography. Metrology. Chronology. Heraldry. Numismatics. Onomastics. Genealogy: Student's Book]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1994, 284 p.
13. Shibaev M.A. Graphics of the Moscovian Poluustav: Historiographical Notes Nemirovsky E.L. *Vozniknovenie knigopechataniya v Moskve. Ivan Fedorov* [The Emergence of Printing in Moscow. Ivan Fyodorov]. Moscow, Kniga Publ., 1964, 404 p.
14. Shibaev M.A. Graphics of the Moscovian Poluustav: Historiographical Notes Afanasyeva T.I., Pentkovskaya T.V. *Slavyanskaya paleografiya: rabochaya tetrad'* [Slavic Paleography: Workbook]. St. Petersburg, 2012, 100 p.
15. Krom M.M. (ed.) *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny: ucheb. posobie* [Special Historical Disciplines: Tutorial]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, 634 p.
16. Kostyukhina L.M. *Paleografiya russkikh rukopisnykh knig XV—XVII vv. Russkii poluustav* [Paleography of the Russian Manuscript Books of the 15th—17th Centuries. The Russian Half-Uncial]. Moscow, 1990, 348 p.
17. Speransky M.N. “Grecheskoe” i “ligaturnoe” pis'mo v russkikh rukopisyakh XV—XVI vv. [The “Greek” and “Ligature” Script in the Russian Manuscripts of the 15th—16th Centuries], *Byzantinoslavika*, 1932, vol. 4, pp. 58—60.
18. Turilov A.A. Vostochnoslavyanskaya knizhnaya kul'tura kontsa XIV—XV v. i “vtoroe yuzhnoslavyanskoe vliyanie” [East Slavic Book Culture of the Late 14th—15th Century and “The Second South Slavic Influence”], *Mezhslavyanskije kul'turnye svyazi epokhi srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i kharakteristiki* [Interslavic Cultural Relations in the Middle Ages, and the Source Studies of Slavic History and Culture: Essays and Characteristics]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 519—555.
19. Turilov A.A. O vremeni i meste sozdaniya pergamenogo “Evangelija Memnona-knigopista” [On the Time and Place of Creation of the Parchment “Gospel of Memnon-Scribe”], *Mezhslavyanskije kul'turnye svyazi epokhi srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i kharakteristiki* [Interslavic Cultural Relations in the Middle Ages, and the Source Studies of Slavic History and Culture: Essays and Characteristics]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 612—639.
20. Galchenko M.G. Vtoroe yuzhnoslavyanskoe vliyanie v drevnerusskoi knizhnosti (Grafiko-ortograficheskie priznaki vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyanija i khronologiya ikh poyavlenija v drevnerusskikh rukopisyakh kontsa XIV — pervoi poloviny XV v.) [The Second South Slavic Influence in the Old Russian Literature (The Graphic-Orthographic Characteristics of the Second South Slavic Influence and the Chronology of their Appearance in the Old Russian Manuscripts of the Late 14th — First Half of the 15th Century)], *Knizhnaya kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi. Izbrannye raboty* [Book Culture. Book Writing. Inscriptions on the Icons of Ancient Rus. Selected Works]. Moscow, St. Petersburg, 2001, pp. 325—382.